

Н.В. Карташева

**РОССИЙСКАЯ НЕАКАДЕМИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Последние десятилетия XIX в. в России ознаменовались заметным ростом так называемой неакадемической этнографии. В этот период все чаще авторами этнографических описаний народов России становятся не профессиональные ученые, а учителя, врачи, чиновники, священнослужители, политические ссыльные. Созданные ими тексты (документальные и художественные) представляют собой чрезвычайную ценность для изучения духовного наследия народов России. В статье дается определение и обосновывается правомерность использования термина «неакадемическая этнография», а также обозначаются методологические аспекты и перспективы использования неакадемической этнографии для изучения традиционных культур коренных народов Сибири. Выделены две наиболее обширные группы источников – миссионерские дневники и этнографические сочинения, написанные политическими ссыльными. Показана необходимость дискурсивного подхода к их изучению и значимость рассмотрения внетекстовых феноменов: коллективной идентичности авторов указанных сочинений, их поведенческой практики, идеологического смыслового поля, внутри которого формируется авторская позиция и целеполагание непрофессиональных этнографов и др. Очевидно, что научный потенциал обозначенных источников весьма значителен, но для его актуализации требуется привлечение современных исследовательских методов.

Ключевые слова: православная миссия; народничество; политическая ссылка в Российской империи; неакадемическая этнография; дискурс-анализ; религиозный дискурс; миссионерские дневники; коренные народы Сибири.

Понятие «неакадемическая этнография», вынесенное в заглавие статьи, представляет собой собирательное обозначение этнографических источников, авторы которых не являлись профессиональными исследователями, этнографами, и по своему социальному статусу

Карташева Наталья Валерьевна – кандидат культурологии, доцент, зав. кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: natkartasheva@gmail.com).

су не принадлежали каким-либо академическим институтам. Можно, также уточнить, что представители «неакадемической этнографии» не считали создание этнографических текстов своей основной деятельностью, а писали их «попутно», оказавшись в ситуации близкого контакта с этническими культурами и испытывая к ним интерес. Применительно к XIX в. установить четкие границы между «академической» и «неакадемической» этнографией в России достаточно затруднительно, так как именно в это время происходит институционализация отечественных социальных наук. Однако существование обширного корпуса этнографических текстов, написанных людьми с совершенно определенной профессиональной принадлежностью к неакадемическим сферам, позволяет нам настаивать на объективной обоснованности предлагаемого термина.

Заметим, что отсутствие терминологической закреплённости понятия «неакадемическая этнография» не исключает его использования в современном научном пространстве. Чаще всего он встречается как обозначение новых направлений в современных этнографических и антропологических исследованиях, связанных с появлением таких феноменов, как цифровая антропология или социальные сети. Существует также представительный ряд исследований «этнографического письма», рассматривающих различные неакадемические источники – художественные тексты, публицистические выступления, путевые заметки в контексте этнографического знания. Так, можно упомянуть книгу Kirin Narayan “*Alive in the writing: crafting ethnography in the company of Chekhov*”, в которой автор пишет об особой «этнографической чувствительности» автора «Острова Сахалин», и упоминает о других «литературных этнографах» и «склонных к этнографии публицистах» (“*the literary ethnographers, and the ethnographically inclined nonfiction writers*”) [Narayan, XIII]. В контексте нашей темы необходимо упомянуть и труды голландской исследовательницы Maryse Kruithof, изучающей этнографический потенциал сочинений голландских миссионеров, осуществлявших свое служение в XIX в. в Индонезии. Исследовательница применяет понятие “*non-academic works*” к миссионерским текстам, описывающим мусульманскую культуру коренного населения Индонезии [Kruithof, 2020: 35]. Несколько чаще встречается эпитет «неакадемический» в антропологических исследованиях. Так, целый ряд публикаций Helena Wulff направлен на рассмотрение антропологии как нарратива, не ограниченного рамками академического письма [Wulff, 2021]. Однако четкой словарной фиксации понятия «неакадемическая этнография» пока не произошло.

Если вернуться к российской неакадемической этнографии, то определение ее границ связано с историей возникновения этногра-

фии «академической»), организации первых этнографических экспедиций при Петре I, появления трудов Д. Мессершмидта, В.Н. Татищева, Г.-Ф. Миллера, Я. Линденау, С.П. Крашенинникова, П.И. Рычкова и др. Вопрос о том, можем ли мы применять наименование «неакадемическая этнография» к ранним этнографическим свидетельствам, содержащимся, например, в древнерусских региональных летописях, в «Повести временных лет» или в «Сказаниях о человецех незнаемых в восточной стране» [Токарев, 1966] требует отдельного рассмотрения. Предметом же нашей статьи является феномен неакадемической этнографии, локализованный в историко-культурном контексте пореформенной России, и именно эта задача позволит нам выявить в дальнейшем некоторые дополнительные критерии определения феномена неакадемической этнографии.

Вторая половина XIX в. – уникальный период возникновения новых форм общественной жизни, активного проявления тех идейных векторов, которые обозначили траекторию перехода страны от традиционного к современному укладу. Своеобразие и амплитуда такого рода процессов определялись как обширностью российского культурного пространства, так и аграрным, преимущественно традиционалистским укладом ее культуры. Феномен неакадемической этнографии, существовавший в России и в начале XIX в., именно в пореформенный период получает особое распространение, оказавшись на пересечении нескольких динамических процессов: демократизации общественной жизни, роста интеллектуализма, критического пересмотра колониальной и этнической политики Империи и подъема национального самосознания. Вслед за признанием необходимости глубоких общественных реформ пришло понимание важности изучения того этнокультурного богатства, которым обладала страна, к концу XIX в. достигшая максимальных территориальных параметров в своей истории.

Задача формирования национального единства, неизбежная для страны, вступающей в капиталистический период развития, обнаружила в российском обществе острые противоречия – идейные, классовые, религиозные, этнические. На этом фоне происходило формирование гражданского сознания, возникали и получали оформление демократические и просветительские идеи, которые воплощались в многочисленных научно-просветительных обществах, церковных историко-археологических комитетах, значительном увеличении числа библиотек и учебных заведений и прочем. Возникает движение областничества, опирающееся в своей идеологии на изучение местных культурных традиций. Развивается деятельность губернских статистических комитетов, переформированных в 1859 г. из административных учреждений в

«официально-ученые», среди их основных задач был и сбор информации о занятиях и образе жизни населения губернии, в том числе сведений этнографических. В 1847–1848 гг. Императорское Русское географическое общество обратилось с призывом к общественности составлять описания быта, обычаев, материальной и духовной культуры разных местностей. Лучшие из большого количества присланных материалов были позднее опубликованы в серии «Этнографических сборников» [Токарев, 1966: 296]. «С резкой активизацией общественной жизни в России осведомленность о жизни местного населения стала рассматриваться как гражданский долг и как вклад в просвещение и благосостояние общества» [Джераси, 2013: 211], дворянская и разночинная интеллигенция все активнее вовлекалась в сбор и фиксацию сведений о народной культуре – как русской, так и иных российских этносов. Происходившие в культуре изменения создавали общественный фон для развития неакадемической этнографии, в том числе на окраинах Российской империи,

Что касается Сибири, то здесь развитие неакадемической этнографии имело свои яркие особенности. С одной стороны, на этой обширной территории обитали многочисленные и разнообразные народы, принадлежавшие к разным языковым семьям и хозяйственно-культурным типам. Их культуры представляли собой богатый и слабоизученный этнографический материал. С другой стороны, для восточных регионов Российской Империи характерны отдаленность и малодоступность аборигенных поселений, а также малочисленность образованного населения, интеллигенции, заинтересованной в изучении этнических традиций. Если же рассматривать наиболее отдаленные районы Восточной Сибири и Дальнего Востока (хотя и в Западной Сибири глухих мест было более чем достаточно), то возможность стационарного изучения культуры наименее изученных этносов была чрезвычайно мала. Врачи и учителя жили в городах, чиновники редко добирались в отдаленные поселения, а если и добирались, то были там ограниченное время и со специфическими задачами, не располагающими к откровенности со стороны населения; военные и представители пенитенциарных структур были обременены служебными обязанностями. Парадоксальным образом наиболее плотно и регулярно с автохтонным населением контактировали представители двух очень разных социальных групп – священники-миссионеры и политические ссыльные. Священнослужители проповедовали, крестили, венчали, отпевали, вели духовные беседы, лечили при необходимости, разрешали споры и конфликты, просвещали – и все это в процессе многодневных и многокилометровых поездок по огромным территориям Якутской, Забайкальской,

Камчатской епархий, круглогодично и в суровых погодных условиях. Они добирались в очень отдаленные места и, порой, были единственными на протяжении нескольких лет русскими, которые общались с автохтонным населением.

Священнослужители, хотя и были подчинены церковной дисциплине, руководствовались своим призванием, своей миссией. В отличие от них, политические ссыльные оказывались в этих отдаленных местах совсем не по своей воле. Как известно, 1860–1870-е годы – это годы ссылки участников различных революционных и террористических организаций, народовольцев, радикально настроенных народников, участников польского восстания 1863–1864 гг. В последние десятилетия века в ссылку отправляли также марксистов, участников левых политических организаций. К началу XX в. в Сибири находилось около 300 тыс. ссыльных [Саломон, 1900: 137].

Политические ссыльные публиковали отдельные статьи в местной и центральной печати, создавали небольшие художественные произведения (самые известные из них – рассказы В.Г. Короленко, написанные им после шести лет, проведенных в якутской ссылке: «Сон Макара», «Убивец», «Соколинец», «Государевы ямщики», «Ат-Даван» и др.)¹. Спектр проводимых ссыльными этнографических наблюдений весьма велик. Это исследования фольклора и религиозных представлений², местных языков³, физической антропологии⁴. Культуру народов крайнего севера Якутии описывали В.И. Иохельсон и В.Г. Богораз. Примечательно, что нередко именно этнография становилась делом всей дальнейшей жизни политического ссыльного и, возвращаясь из Сибири, он становился профессиональным исследователем. Некоторые из ссыльных, чьи первые этнографические опыты созданы в Сибири, в 20-е годы стали основателями советской этнографической школы (Л.Я. Штернберг, В.Г. Богораз).

Основным жанром миссионерской неакадемической этнографии были миссионерские дневники. Малая часть из них была опубли-

¹ Изучение художественных текстов этнографической тематики требует использования особых методов. Здесь мы имеем дело с особой формой «этнографической рецепции» [Забияко, Цмыкал, 2021], художественного этнографизма [Соколова, 2017], транскрипции этнографических фактов в художественные образы и др.

² См.: *Ионов В.М.* Медведь по воззрениям якутов // Живая старина. 1915. Прил. 3. С. 51–58; *Он же.* Дух-хозяин леса у якутов // Сборник МАЭ. 1916. Т. 4. Вып. 1. С. 1–43; *Он же.* К вопросу об изучении дохристианских верований якутов // Сборник МАЭ. 1918. Т. 5. Вып. 1. С. 155–164.

³ См.: *Ястремский С.В.* Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900. VIII, 307, III с.; *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка / Акад. наук СССР [2-е изд.]. М., 1958.

⁴ См.: *Геккер Н.Л.* К характеристике физического типа якутов. Иркутск, 1896.

кована, иногда фрагментарно⁵, некоторые дневники были собраны и изданы уже в наше время⁶. На основе миссионерских дневников или параллельно с ними сибирские священнослужители публиковали этнографические заметки в региональной и центральной светской и церковной прессе, и даже издавали этнографические труды отдельными изданиями.

Итак, несмотря на радикальные идеологические различия, полное несоответствие жизненных целей и стратегий, именно священнослужители и политические ссыльные создают в Сибири второй половины XIX в. наиболее обширный корпус этнографических текстов. То, что удалось увидеть, понять и зафиксировать авторам этих сочинений представляет собой неоценимое свидетельство о форме и содержании коллективного опыта коренных народов, многие из которых в силу своей малочисленности и уязвимости перед лицом цивилизации к нашему времени утратили значительную часть своей традиции. Но и те народы, которые, как якуты, смогли многое из своей этнической культуры сберечь, могут найти в этих этнографических текстах ценные свидетельства о предшествующих этапах своей этнической истории.

Однако ситуация с востребованностью этнографических источников конца XIX в. в современных исследованиях достаточно не проста. Во-первых, многие из указанных текстов были опубликованы в дореволюционной печати, либо хранятся в рукописном виде в различных архивах. Многие из архивных документов было утрачено, особенно это касается миссионерских документов. Разумеется, дореволюционные исследования, авторами которых были политические ссыльные, получили в советское время бóльшую известность, чем труды второй указанной нами группы исследователей – миссионеров. Часть работ ссыльных была издана или переиздана в конце 20-х – начале 30-х годов. Однако в наше время многое так и осталось неопубликованным. Что касается миссионерских дневников, то большая их часть не опубликована, они хранятся в региональных архивах, не изучены и даже не описаны. И тем не менее, не только труднодоступность большинства из этих источников является причиной их недостаточной вовлеченности в научный оборот. Мы предполагаем, что материалы неакадемической этно-

⁵ *Вениамин, еп.* Забайкальская духовная миссия 1862-м – 1863 гг. (Письма из Посольского монастыря) // Труды православных миссий Восточной Сибири. Иркутск: издание Иркутского комитета православного миссионерского общества, 1883–1886. Т. 1: 1862–1867 г. 1883. 559 с.; *Аргентов А.* Путевые заметки священника-миссионера Андрея Аргентова. Восточная Сибирь. СПб., 1857; *Венедикт, иеромонах.* У чукчей. ПБ. 1895. № 5. С. 248 – 254 и др.

⁶ Стопами миссионера. Труды Дионисия (Хитрова), епископа Якутского, а затем Уфимского, на миссионерском поприще (в 6 томах). Тверь, 2013; и др.

графии не могут быть адекватно включены в контекст актуальных этнокультурных исследований без привлечения современных исследовательских подходов.

Прежде всего, необходимо рассматривать эти тексты и содержащиеся в них этнографические факты через призму мировоззрения их авторов, с учетом тех ценностей, которые лежали в основе их этнографического интереса. Так, миссионерский дневник – это особый жанр, порожденный, с одной стороны, формальным предписанием фиксировать все обстоятельства выполнения миссии, а с другой стороны – острой потребностью в духовном и интеллектуальном самовысказывании. Автор миссионерского дневника зачастую ведет «внутренний диалог о тех аспектах внешнего мира, которые, по их мнению, соотносились с их духовным миром» [Манчестер, Сдвижков, 2019: 13]. Таким образом, миссионерский нарратив представляет собой уникальное сочетание документального, публицистического, автобиографического начал. Причины появления в миссионерских дневниках значительного объема этнографических материалов также сочетают в себе формальную необходимость фиксации духовного и культурного статуса крещаемых (пасты); желание лучше понять их мировоззрение и согласовать с ним формы своей проповеди; душевное внимание к людям, преображению которых посвящена жизнь миссионера; интеллектуальный интерес к необычным, экзотическим культурам; понимание хрупкости традиционных культур и их абсолютной ценности для человечества. Каритативные мотивы также имели большое значение для пробуждения миссионерского интереса к жизни коренных народов: христианская любовь и искреннее сочувствие к пастве вызвали желание познакомить российское общество с суровыми условиями существования «инородцев», с теми тяготами, которые составляют их повседневный быт.

Политическим ссыльным, без различия их партийной принадлежности, были присущи народническая (в широком понимании этого термина) идеология и позитивистское мышление со свойственной ему верой в универсальность научного метода познания. Несомненно, сыграло свою роль и увлечение новейшими европейскими антропологическими концепциями (Тайлора, Моргана), свойственное в то время российской интеллигенции. Политический ссыльный – приверженец западных идей, социалистических или марксистских, но в любом случае, он мыслит в западноевропейской, просвещенческой парадигме. Кроме того, для человека, попавшего в ссылку, характерны навык напряженной интеллектуальной деятельности и повышенный градус социальной активности. Не только необычность и малоизученность открывшегося этнического мира

сибирских народов, но и их зависимое, «угнетенное» положение и социальная маргинальность коренного населения становились побудительным мотивом к созданию этнографических сочинений. Народничество как «широкое духовное течение, соединимое с довольно разнообразными социально-политическими теориями и программами» [Франк, 1990: 90] сформировало тот идеологический дискурс, в рамках которого создавались этнографические тексты политических ссыльных. И без реконструкции этого дискурса погрешность в понимании этнографической реальности, описанной в этих текстах, будет чрезвычайно высока.

Исследуя тексты, созданные священнослужителями, «необходимо осознать, что священство – это не временный атрибут, не специальность и даже не профессия – это образ жизни, поведения, мышления и мироощущения, который неразрывно связан с догматическим и каноническим сознанием пастыря». «Церковное воспитание и духовное образование, а после и священническая хиротония формируют в человеке определенное сознание» [Малышев, 2019: 49], и мы должны обязательно учитывать, что миссионерские этнографические тексты являются частью религиозного дискурса. Ключевым текстом для этого дискурса является Библия, в этнографических суждениях объективируются значимые для миссионеров идеи библейской истории, концепты спасения, служения, обращения, греха, покаяния и проч. [Гришаева, 2018; Сеницына, 2014]

Однако если мы выйдем за рамки рассматриваемых текстов и проведем анализ их общего историко-культурного контекста, то обнаружим неожиданные сближения народнического и религиозного дискурсов. По свидетельству современной американской исследовательницы Лори Манчестер, православные «клирики, подобно большинству представителей русского образованного общества, находились во второй половине XIX века под сильным влиянием народнических настроений» (Манчестер, 100). Стремление к поиску истины, «горячее желание послужить народу, помочь его культурному и хозяйственному развитию» [Евлогий, 1994: 29], активная жизненная позиция, демократизм, просветительский пафос – качества, отличавшие выдающихся православных священнослужителей рассматриваемого периода. Митрополит Евлогий (Георгиевский) писал в своих воспоминаниях: «сочетание богословских занятий, приуготовлявших нас к пастырству, и социальных идей породило то своеобразное «народничество», к которому и я тяготел тогда всей душой. Народ вызывал во мне глубокую жалость. Меня тревожило, что он пропадает в грязи, темноте и бедности» [Евлогий, 1994: 29]. Примечательно, что среди революционеров было много выходцев

из духовного сословия [Манчестер, 2015], таким образом мы можем не только увидеть неидеологизированное народничество во взглядах священнослужителей, но и обнаружить след религиозного сознания во взглядах политических ссыльных⁷.

Если академические исследования, априори содержащие установку на объективизм и непредвзятость ученого, не свободны от идеологической вовлеченности, и «этнография как наука ... в течение своей почти 200-летней истории всегда была склонна к различным идеологическим коннотациям» [Лозовюк, 2020: 1163], то *неакадемическая* этнография тем более не может быть рассмотрена вне идеологического контекста. Ее авторы не могли не проецировать во внутренних структурах текста свои идеологические воззрения и жизненные ценности [Грецкая, 2020]. Реконструкция идеологического смыслового поля, внутри которого формируется авторская позиция и целеполагание непрофессиональных этнографов, необходима для правильной интерпретации высказанных ими этнографических суждений. Таким образом, материалы неакадемической этнографии, относящиеся ко второй половине XIX в., представляют собой не только информационно насыщенный архив сведений о традиционных культурах коренных народов Сибири, но и уникальный источник реконструкции коллективной идентичности различных социальных групп российского общества, а доминирование неакадемического дискурса (в нашем случае – религиозного и народнического) может быть определено как основной маркер неакадемической этнографии и признак ее отличия от академических исследовательских текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грецкая С.С. Когнитивно-функциональное конструирование поликультурной идентичности в художественном тексте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 106–115.
2. Гришаева Е.И. Церковные дискурсы и идентичность. Потенциал применения дискурсивных подходов в социологическом изучении религиозных идентичностей в христианских общинах // Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 1 (11). С. 50–64. doi: 10.28995/2073-6401-2018-1-50-64
3. Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013. С. 548.

⁷ Слушательница лекций Льва Штернберга, бывшего ссыльного, ставшего в 20-е годы профессором этнографии, так описывала его облик: «Перед нами был не профессор высшего учебного заведения, обучающий студентов предмету, а проповедник истины» (Гаген-Торн Н.И. Ленинградская этнографическая школа в 20-е годы: У истоков советской этнографии // Советская этнография. 1971. № 2. С. 134–145).

4. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни: Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 621.
5. *Забяко А.А., Цмыкал О.Е.* Художественная этнография в лирическом тексте (поэтический этнографизм Лариссы Андерсен) // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 1. С. 45–55.
6. *Лозовюк П.* Между наукой и идеологией. История немецкоязычной этнографии чешских земель // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. doi: 10.21638/11701/spbu02.2020.409
7. *Мальшиев В.С., свящ.* Положение духовного сословия в церковной публицистике середины XIX века: Монография. СПб., 2019. С. 296.
8. *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015. С. 448.
9. *Манчестер Л., Сдвижков Д.* Автобиографика и православие в России конца XVII – начала XX века: вера и личность в меняющемся обществе // Вера и личность в меняющемся обществе. М., 2019. С. 5–18.
10. *Саломон А.П.* Ссылка в Сибирь: очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900.
11. *Синицына Ю.Н.* Особенности и специфика религиозного дискурса // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 2 (53). С. 94–95.
12. *Соколова В.Ф.* Этнографическое направление в русской литературе XIX века // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 1А. С. 261–269.
13. *Токарев С.А.* История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966. С. 452.
14. *Франк С.Л.* Этика нигилизма // Франк С.Л. Сочинения. М., 1990. С. 77–112.
15. *Kruithof M.* The contribution of missionaries to the study of Islam in the Netherlands in the 19th century // Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History Vol. 17. Britain, the Netherlands and Scandinavia (1800–1914). 2020, pp. 35–45. doi:10.1163/9789004442399_004
16. *Narayan K.* Alive in the writing: crafting ethnography in the company of Chekhov. Chicago; London: Univ. of Chicago press, cop. 2012. xiii, 154.
17. *Wulff H.* Writing anthropology // The Cambridge Encyclopedia of Anthropology (eds) F. Stein, S. Lazar, M. Candea, H. Diemberger, J. Robbins, A. Sanchez & R. Stasch. 2021. doi:10.29164/21writing

Natalya V. Kartasheva

**RUSSIAN NON-ACADEMIC ETHNOGRAPHY OF THE
SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY AS A SOURCE
FOR THE STUDY OF THE CULTURAL HERITAGE OF THE
INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The last decades of the 19th century were marked by an unprecedented growth of the so-called “non-academic ethnography” in Russia. This period of time witnessed a rise in the number of ethnographic descriptions of the peoples of Russia created by non-academic researchers, such as teachers, doctors, government officials, cler-

gymen, political exiles, rather than professional scholars. The texts created by them, both nonfiction and literary, are extremely valuable for the study of the spiritual heritage of the peoples of Russia. The article provides a definition for the term “non-academic ethnography” and substantiates the legitimacy of its use; it outlines the methodological aspects and the prospects of using non-academic ethnography for the study of traditional cultures of the indigenous peoples of Siberia. The two identified extensive groups of sources are missionary diaries and ethnographic works written by political exiles. The article proves the need for a discursive approach to their study and the importance of considering extra-textual phenomena, such as: the collective identity of the authors of these works, their behavioral practice, the ideological semantic field which defines the position and the goals of the non-professional ethnographers, etc. Although the research potential of the indicated sources is evident, its actualization requires the implementation of modern scientific methods.

Key words: Orthodox mission; narodnichestvo; political exile in the Russian Empire; non-academic ethnography; discourse analysis; religious discourse; missionary diaries; indigenous peoples of Siberia.

About the author: *Natalya V. Kartasheva* – PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Head of the Department of Comparative Literature and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: natkartasheva@gmail.com).

REFERENCES

1. Gretskeya S.S. 2020. Kognitivno-funktsional'noe konstruirovaniye polikul'turnoi identichnosti v khudozhestvennom tekste [A Cognitive-Functional Perspective on Multicultural Identity Construction in Fiction]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 106–115. (In Russ.)
2. Grishaeva E.I. 2018. Tserkovnye diskursy i identichnost'. Potentsialnyye primeneniya diskursivnykh podkhodov v sotsiologicheskom izuchenii religioznykh identichnostey v khristianskikh obshchinakh [Church Discourses and Identity. Application of discursive approaches for sociological study of religious identities in Christian communities]. *RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series*, no. 1(11), pp. 50–64. (In Russ.)
3. Geraci R.P. 2013. *Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii* [Window on the East: national and imperial identities in late tsarist Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
4. Evlogii (Georgievskii), mitropolit. 1994. *Put' moei zhizni: Vospominaniya Mitropolita Evlogiya (Georgievskogo), izlozhennye po ego rasskazam T. Manukhinoi* [My Life's Path: The Memoirs of Metropolitan Evlogii, Based on His Own Accounts by T. Manukhina]. Moscow, Moskovskii rabochii. (In Russ.)
5. Zabiayko A.A., Tsmikal O.E. 2021. Khudozhestvennaya etnografiya v liricheskom tekste (poeticheskii etnografizm Larissy Andersen) [Literary Ethnography in Lyrical Text (Poetic Ethnographism by Larissa Andersen)]. *Humanitarian Vector*. Vol. 16, no. 1, pp. 45–55. (In Russ.)
6. Lozovyuk P. 2020. Mezhdru naukoj i ideologii. Istoriya nemetskoyazychnoi etnografii cheshskikh zemel' [Between Science and Ideology. History of German Speaking

- Ethnography of Czech Lands]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 65, issue 4, pp. 1162–1185. (In Russ.)
7. Malyshev V.S., priest. 2019. *Polozhenie dukhovnogo sosloviya v tserkovnoi publitsistike serediny XIX veka* [The position of the clergy in Church journalism in the middle of the XIX century]. Saint Petersburg, Publishing House of Saint Petersburg Theological Academy. (In Russ.)
 8. Manchester L. 2015. *Popovichi v miru: dukhovenstvo, intelligentsiya i stanovlenie sovremennogo samoznaniya v Rossii* [Holy Fathers, Secular Sons. Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
 9. Manchester L., Sdvizhkov D. 2019. *Avtobiografika i pravoslavie v Rossii kontsa XVII – nachala XX veka: vera i lichnost' v menyayushchemsya obshchestve* [Introduction]. In Manchester L., Sdvizhkov D. (ed.) *Vera i lichnost' v menyayushchemsya obshchestve: avtobiografika i pravoslavie v Rossii kontsa XVII – nachala XX veka* [Faith and Selfhood in a Changing Society: Autobiography and Orthodoxy in Russia from the End of the 18th to the Beginning of the Twentieth Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 5–18. (In Russ.)
 10. Salomon A.P. 1900. *Ssylka v Sibir': ocherk ee istorii i sovremennogo polozheniya* [Exile to Siberia: an essay on its history and current situation]. Saint Petersburg, Printing house of the St. Petersburg prison. (In Russ.)
 11. Sinityna Yu.N. 2014. Osobennosti i spetsifika religioznogo diskursa [The Problem of Religious Discourse: Specific characteristics]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, no. 2 (53), pp. 94–95. (In Russ.)
 12. Sokolova V.F. 2017. Etnograficheskoe napravlenie v russkoi literature XIX veka [The ethnographic trend in Russian literature in XIX century]. *Kul'tura i tsvilizatsiya* [Culture and Civilization], no. 7 (1A), pp. 261–269. (In Russ.)
 13. Tokarev S.A. 1966. *Istoriya russkoi etnografii: (dooktyabr'skii period)* [History of Russian Ethnography (Before the October Revolution)]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
 14. Frank S.L. 1990. *Etika nigilizma* [The Ethics of Nihilism] In Yu.P. Senokosov (ed.) *Frank S.L. Sochineniya* [The Writings of S. Frank]. Moscow, Pravda Publishing house, pp. 77–112 (In Russ.)
 15. Kruithof M. 2020. *The contribution of missionaries to the study of Islam in the Netherlands in the 19th century*. In David Thomas and John A. Chesworth (ed.) *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History Vol. 17. Britain, the Netherlands and Scandinavia (1800–1914)*, pp. 35–45. Brill.
 16. Narayan K. 2012. *Alive in the writing: crafting ethnography in the company of Chekhov*. Chicago; London, Univ. of Chicago press.
 17. Wulff H. 2021. *Writing anthropology*. In F. Stein, S. Lazar, M. Candea, H. Diemberger, J. Robbins, A. Sanchez & R. Stasch. (Ed.) *The Cambridge Encyclopedia of Anthropology*. doi:10.29164/21writing